

К вопросу о второй славянской палатализации

ОЛЕГ ВСЕВОЛОДОВИЧ ПОЛЯКОВ

Вильнюс

The article deals with the problem of the second Slavic palatalisation. The discovery of the effect of S. Gluskina and A. Zaliznjak's detailed investigation of birch bark letters deny the Common Slavic character of the second Slavic palatalisation. The structural analysis of the facts and the investigation of the Pskov dialects by V. Čekmonas, who shows their mixed character, give reason to support the classical doctrine that the second palatalisation was a common one for all Slavic languages.

Вторая славянская палатализация, переход заднеязычных *k*, *g*, *ch* в *c'*, *ǰ'*, *s'* перед гласными переднего ряда, возникшими в результате монофтонгизации праславянских дифтонгов, считалась долгое время общеславянским явлением. В отличие от третьей славянской ("бодуэновской") палатализации вторая палатализация, как и первая, является безымянной, однако приоритет их открытия, как отмечал еще М.Н. Петерсон [1946, 29], принадлежит Ф.Ф. Фортунатову.

Рассматриваемая палатализация затрагивает ограниченное количество слов, в которых данные согласные представлены в корне слова, а также целый ряд форм склонения и спряжения. Результаты действия второй славянской палатализации наблюдаются в белорусском, украинском, польском, чешском, словацком, верхне- и нижнелужицком, сербохорватском, словенском, болгарском и македонском. В русском языке это явление полностью¹ исчезло. Наличие таких форм, как напр. рус. *на дороге*, *в руке*, *в сохе*, *пеки* и т.п. объясняется обычно действием процессов аналогии/или парадигматического выравнивания [ср.: Соболевский 1907, 213; Ша-

¹ П. Я. Черных в качестве исключения указывает только на некоторые говоры Орловской и Курской области, где были отмечены формы: *о урбсе*, *у кабацѣ*, *на парбзе* и др. [Черных 1954, 174], однако их архаичность вызывает сомнения.

матов 1957, 326; Бернштейн 1961, 202; Иванов 1990, 240 и мн. др.]. Реликты чередования сохраняются только в отдельных словоформах, ср. напр. *каяться* — *цена*, однако данное чередование является в русском языке историческим. Следует отметить, что в настоящее время ни один славянский язык не сохраняет полного набора форм с рефлексам второй палатализации. Наиболее полно данная палатализация сохраняется в чешском, верхнелужицком и сербохорватском языках, наименее — в болгарском, македонском и словенском языках [ср.: Shevelov 1964, 296; Panzer 1991, 251].

В древнерусском языке рефлекс второй славянской палатализации были представлены достаточно широко. Однако имеются примеры, где данная палатализация отсутствует. Наиболее древняя такая форма *дѣмѣкъѣ* (*рабу своему дѣмѣкъѣ*) зафиксирована в новгородских служебных Минеях 1095 и 1096 гг. Наличие подобных форм было основанием для предположения Б.М. Ляпунова, что в некоторых восточнославянских говорах, а именно севернорусских, второе смягчение *к, г, х*, по крайней мере в склонении, не было проведено последовательно. П.Я. Черных, поддерживая данную точку зрения, отмечает, что сохранение *к, г, х* в склонении существительных объясняется “*влиянием других надежд*”, т.е. действием аналогии. Он также обращает внимание на наличие формы *къ кѣлотѣкъѣ* (< *колѣдѣкъ*) в берестяной грамоте № 105 [Черных 1954, 139, 174].

Новым для решения обсуждаемого вопроса было привлечение данных, полученных в результате изучения берестяных грамот и псковских говоров. На основании их изучения С.М. Глушкина в статье *О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке* обосновывает тезис о том, что вторая палатализация “не была свойственна местной живой речи русского Северо-запада с самого начала письменного периода истории русского языка” [1968, 23; см. также более раннюю работу: Gluskina 1966].

Она обнаружила более 20 примеров без второй палатализации в новгородских берестяных грамотах: на *отроке* (XI–XII вв.), *къ коулетѣкъѣ* (XI или XII в.), на *онегѣ* (1181–1182 гг.) и др. С.М. Глушкина отмечает отсутствие палатализации также в личных именах и топонимах, особенно местного характера, и обиходной лексике, напр.: в *смолянскѣкъѣ* (1145 г.), на *дубенке* (1310 г.), при *посадникѣ еске* и др. в новгородских и псковских летописях [Глушкина 1968, 22–23]. Примеры с отсутствием второй палатализации она приводит также из *Словаря областного архангельского наречия* А. Подвысоцкого 1885 г., *Словаря областного олонцкого наречия* Г.И. Куликовского 1898 г., из материалов экспедиций в Каргопольском, Воло-

совском, Няндомском, Приозерном р-нах Архангельской обл., в Медвежьегорском р-не Карело-Финской АССР, в Гдовском и Плесском р-нах Псковской обл. и др. Среди примеров С.М. Глускина приводит такие слова, как *кеж* 'процеженный раствор овса, муки' (к *цедить*), *кевка* 'шпудька', *кеп* 'ручная молотилка'² и различные производные от этих слов, в особенности от слова *кеп* [там же, 24–28]. Необходимо обратить внимание на то, что все данные лексемы являются не общеславянскими, а только русскими диалектными. С.М. Глускина отмечает, что переход *к > ц* в русском языке зафиксирован в пяти корнях: *цевка*³, *цедить*, *целый*, *цена* и *цеп*, причем, как мы видели, три корня без этого перехода она находит в современных северо-западных говорах русского языка [там же, 27]. Ее окончательный вывод заключается в следующем: "Второе смягчение заднеязычных — один из последних процессов, носящих общеславянский характер. Отсутствие этого смягчения в северо-западных говорах русского языка могло быть обусловлено ранним переселением отдельных групп славян на окраинную для славянства территорию и некоторым ослаблением языковых контактов с другими славянами" [там же, 33]. В данном выводе вызывает сомнение утверждение "о некотором ослаблении языковых контактов с другими славянами" *Рокитновские болота* (которые явились основой для очень спорной гипотезы А. Зенна о прерывании контакта между славянами и балтами⁴) между славянами здесь не существовали. Новая территория, на которой поселились славяне, находилась на пересечении торговых путей, из которых самым известным являлся *путь из варяг в греки*. С другой стороны, вне поля зрения интересной гипотезы С.М. Глускиной оказались прямые контакты переселившейся части восточных славян с аборигенами этих земель, которые говорили на языке, не принадлежащем к индоевропейской семье языков.

² В данный список не попали слова типа *кежь* 'длинный держак цепа' из словаря В.И. Даля из-за явного заимствования из прибалтийско-финских языков, ср.: эст. *käsi* от эст. фин. *käsi* 'рука' [ср.: Фасмер-III, 221].

³ Этимология слова *цевка* 'катушка, трубка' (ст.сл. цѣвнина, срб.-хор. *čjevn*, чеш. *čev* и др.) затемнена. С одной стороны, отвергается сближение с фин. *käämi* 'катушка, цевка', эст. *kääv* — род.п. *kääve* ввиду чередования *v:m*, с другой стороны, это слово сближается с лит. *keivd* 'цевка, катушка' [ср.: Фасмер-IV, 294–295], где, однако, не обращается внимание на прямое расхождение в слав. и балт. англуте данного слова. А.А. Зализняк [1995, 37] предполагает заимствование из сев.-хрив. *къвъ*, однако сомнение вызывает соответствие вокализма корня.

⁴ Ср.: "...diese undurchdringliche Sumpflandschaft also trennte die Urslaven von Urbalten, verhinderte jeden Verkehr zwischen den beiden Sprachgruppen" [Senn 1954, 164–165].

Открытие огромного количества берестяных грамот и их детальное лингвистическое исследование А.А. Зализняком обнаружило новые формы с отсутствием рефлексов второй палатализации. Это такие слова, как *кѣлѣ* (/кыль) 'цел', *хѣрь* 'серь'⁵, а также многие словоформы, как напр., *реки* (импер. от *речи*), *оу озъкъ*, *сапоги*, *на дугѣ* и т.д. [см.: Янин-Зализняк 1993, 195–196; Зализняк 1995, 37]. Словоформы со второй палатализацией обнаружены А.А. Зализняком в берестяных грамотах только в формулах или терминах церковного или официального характера: *госпѣди помози*, *въ боꙋѣ*, *цѣлюю та*, *църкы*, *владыцѣ*, *ѡцелелъ*, а также в более поздних (XIV в.) примерах: *цѣна* и *сапоꙋѣ* [там же, 195; Зализняк 1995, 38]. (В новгородской официальной письменности, как известно, вторая палатализация является в целом нормой.)

Данная точка зрения об исконности отсутствия второй славянской палатализации в рассматриваемых говорах, вследствие большой авторитетности проведенных исследований берестяных грамот и личности самого исследователя, резонно получает все большее признание [ср.: Хабургаев 1986, 104; Николаев 1988, 141–147; Иванов 1990, 97; ДРГ 1995, 80–81 и др.]. Однако с прямым отрицанием этого тезиса выступил Я.И. Бьёрнфлатен [1983; 1988]. Его аргументы подверг критике А.А. Зализняк. Он считает, что отстаиваемое в исследованиях Я.И. Бьёрнфлатена положение о "хаотичности" орфографии и синтаксиса берестяных грамот, распространенное в 50–60-е гг., является устарелым. А.А. Зализняк также отмечает, что Я.И. Бьёрнфлатен не дает альтернативных чтений, напр., фразы *а замѣкѣ кѣлѣ а двѣри кѣлѣ* "а замок цел, а двери целы", и отвергает традиционное положение о действии аналогии в появлении окончаний с заднеязычными согласными, которое поддерживает Я.И. Бьёрнфлатен [Янин-Зализняк 1993, 196]. Вместе с А.А. Зализняком здесь можно также поставить под сомнение предположение А. Бьёрнфлатена о 'эволюционном зигзаге' *кль > цль > кль* и полностью согласиться с другим утверждением А.А. Зализняка, что постулируемый переход *ч > к* "противоречит элементарным принципам диахронической лингвистики" [Зализняк 1991, 222, 221]. Однако последнее в равной степени можно отнести и к предположению С.Л. Николаева [1988, 133–135; 1990, 57–58] о северно-

⁵ А.А. Зализняк [1995, 37] приводит также слово *къркы* 'церковь', которое в его Словоуказателе отсутствует [см.: там же, 628–629]; здесь присутствуют только формы с корнем *църк-* [там же, 678].

кривичском диалектном изменении $tj > k'{}^6$ ($+ k' > k!$ — О.П.), касающееся случаев типа *примекать, сустрекать*, которое поддерживает А.А. Зализняк [1991, 221–222]. Более обоснованным представляется здесь вывод об “инновации”, “вторичном выведении”, “вторичном процессе” [ср.: Крысько 1994, 39, 41].

Обнаруженные формы с отсутствием рефлексов второй славянской палатализации трудно отрицать, однако данное положение сталкивается с трудностями прежде всего методологического характера. Кроме того, требуется рассмотреть другой аспект данного вопроса: не может ли отсутствие рефлексов данной палатализации быть связано с каким-нибудь другим явлением, которое не учитывается здесь? Не является ли данное явление аномалией, которая объясняется не сохранением праславянского архаизма, а имеет чисто локальный характер?

Остановимся прежде всего на первом вопросе. Здесь очень важным является методологическое замечание самого А.А. Зализняка, касающееся гипотезы Вяч. Вс. Иванова [1985] о том, что др.-новг. формы на *-e* восходят к праиндоевропейскому *casus indefinitus*, следы которого сохранились в хетском, тохарском и некот. др. языках. А.А. Зализняк справедливо замечает, что при этом “необходимо признать сохранение праиндоевропейского архаизма лишь в одной узкой ветви славянских языков” [1995, 129], что в данном случае, естественно, принять невозможно. Это положение правомерно отнести также и к вопросу о второй славянской палатализации. Она засвидетельствована во всех живых славянских языках и их диалектах, за исключением одного диалекта русского языка. Отсутствие ее только в одном узком диалекте, который обозначается как севернокривичский, можно было бы возвести к праславянскому состоянию только лишь тогда, если бы он обнаруживал в своей системе особые архаические черты, являлся бы изолированным и был бы вне какого-либо иноязычного влияния⁷.

⁶ Схожее изменение, напр., в латышском языке $tj > k' > k$ считается не диахроническим, а результатом аккомодации [ср.: Kažulis 1992, 469]. Такие изменения связаны, как известно, с влиянием прибалтийско-финского субстрата, который в этом языке очень заметен.

⁷ Исходя из данной методики, можно было бы почти с равным успехом признать, что в диалектных формах типа *пекет, берегет* и др. [ДАРЯ 1989, 110–116, карты 94–95] отсутствуют рефлексы первой палатализации. Однако это не позволяет сделать прежде всего сравнительная узость распространения данного явления по отношению к другим славянским языкам, не говоря о том, что кроме действия аналогии и выравнивания по заднеязычным (по формам 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч.), в русских говорах представлено также выравнивание по формам с

Упомянутые же явления в рассматриваемом диалекте явно отсутствуют. Такие черты, как напр. наличие $kl < *tl$, $gl < *dl$ и сохранения $*kv$, $*gv$ ⁸, являются не особыми явлениями, а изоглоссами, которые являются общими с западнославянскими языками. Первая изоглосса не является уникальной для западнославянских языков, поскольку данные сочетания согласных имеются и в зильском диалекте южнославянского словенского языка [Ramoč 1935, 47–50]. Специально следует обратить внимание на следующее обстоятельство. А.А. Зализняк, говоря о ильменско-словенских говорах (в которых есть вторая палатализация), подчеркивает [см.: Янин-Зализняк 1993, 196], что они “несмешанные” (выделено нами). Однако он почему-то не отмечает, что севернокривичский диалект, в котором отсутствует рефлекс второй палатализации, является смешанным! Вне внимания исследователя оказалась также форма из берестяных грамот *река* [Зализняк 1995, 659], в которой отсутствует рефлекс первой палатализации. Здесь же обратим внимание на формы типа вокатива *Марже*, прилагательного *Настокине*, а также на оправданный скепсис, касающийся отнесения к сфере второй палатализации форм “с вторичным -ъ”, — род.п. ед.ч. типа *o(m) Нъжеке* [ср. Крысько 1994, 31, 30] — в единый ряд “ранней фонологизации” [ср.: Зализняк 1991, 231] они уже не вписываются.

Особого внимания заслуживают новообразования, которые наблюдаются в рассматриваемом говоре. В новгородских и псковских памятниках и говорах уже давно отмечается неразличение *ч* и *ц* (цоканье). Последние говоры отличаются, как известно, также отсутствием различия между мягкими свистящими и шипящими. Согласные *с*, *з*, *ц* произносятся с несколько шипящим оттенком. Это явление называют также “шоканем” (или шепелявьем). Для древнепсковского диалекта А.А. Зализняк также описывает совпадение *s'* (из *s* перед гласным переднего ряда) и *z'* (из *z* перед гласным переднего ряда, а также из $*g$, возникшего в результате третьей палатализации) [1995, 43]. Объяснение А.А. Зализняка [1991, 228–232] мены *c/x* и основы *съх-* ‘весь’ является сложным и несколько искусственным. Типологически схожим представляется аккомодационное изменение *s > h* в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *heinä*, вепс. *hein* из $*seinä$ ‘сено’, ср. латш. *siens*, лит. *šienas*.

рефлексами первой палатализации (по формам 2–3 л. ед. ч.), ср.: *стережу́, стережу́т* и т.п.

⁸ Кроме того, в берестяных грамотах засвидетельствованы формы местоимения *вьсь*, сохраняющие [х], — напр. *влюх*, которые могут быть объяснены как результат непоследовательности осуществления третьей палатализации [см.: ДРГ 1995, 80–81].

Что касается отмеченных новообразований, то по поводу их происхождения уже давно известны три гипотезы. Их возникновение объяснялось финно-угорским влиянием (И.А. Бодуэн де Куртене, В.И. Чернышев), влиянием *ляшских* (польских) говоров, где наблюдается мазурение (данная гипотеза детально обоснована А.А. Шахматовым), а также некоторых балтийских говоров; последняя гипотеза является уже почти забытой [ср.: Черных 1954, 142–143; Устинов 1959, 161; Иванов 1990, 92–93 и др.]⁹. Если мысль о влиянии польских говоров сейчас почти единогласно отвергают, то гипотезу о финно-угорском влиянии обычно избегают разрабатывать: либо игнорируют, либо осторожно отрицают без детального разбора. Последнее касается и указанных работ А.А. Зализняка, который все изменения в древненовгородском диалекте рассматривает только в чисто диахронической плоскости.

В последние годы (1992–1994, 1996) в рамках научного проекта университета Осло было организовано несколько диалектологических экспедиций под руководством В.Н. Чекмонаса и Я.И. Бьёрнфлатена в Псковскую область.

В.Н. Чекмонас на славистических семинарах в Вильнюсском университете уже не раз знакомил с собранными в этих экспедициях данными и докладывал о предварительных результатах. На их основании можно было сделать вывод, что специфические фонетические явления, наблюдаемые в псковских говорах, связаны не с их внутренним диалектным развитием, как обычно считается, а с иноязычным влиянием. Такое иноязычное влияние, как показывает собранный материал, могло быть оказано в основном только со стороны прибалтийско-финских языков.

Как известно, колонизация северо-западных территорий восточнославянскими племенами и распространение русского языка нарушило былую диалектную непрерывность прибалтийско-финских языков. К востоку и северо-востоку между нынешними эстонским¹⁰ и финским языками ее раньше составляли языки водский, ижорский, вепсский и карельский

⁹ Известна также теория, согласно которой цоканье в некоторых русских говорах возникло на основе внутренних законов развития фонетической системы этих говоров [см.: Орлова 1948; 1955;]. Данная теория имеет наибольшее количество сторонников.

¹⁰ Эту лингвистическую непрерывность к западу от территории распространения эстонского языка раньше продолжал ливский язык. По оценке 1979 г., на курляндском диалекте ливского языка говорили около 100 человек (в настоящее время еще меньше) на сев.-зап. побережье Курляндии в Талсинском и Венгспилском районе Латвии. Салацкий диалект, который был распространен на восточном побережье Рижского залива, исчез в XIX в. [ЛЭС, 266].

В Псковской области даже и сейчас проживают этнические группы эстонцев православного вероисповедования, которые называются сету и говорят на особом вырусском наречии южноэстонского диалекта.

Б. Панцер не раз обращал внимание на то, что научные истины следует искать не только в научных трудах, но и в элементарных учебниках и словарях¹¹. Поэтому обратимся прежде всего к элементарному учебнику эстонского языка. Звуки [ц] и [ч] в эстонском языке отсутствуют. Буква *c* [цэ] встречается только в иностранных собственных именах. Русские звуки [ц] и [ч] передаются диграфами *ts* (*Kuznetsk*) и *tš* (*Petrovitš*). Буква *z* встречается крайне редко, в основном в заимствованных словах (*zooloog*, *zaporoožlane* 'запорожец'). В разговорной речи вместо этого звука нередко произносится глухой [s]. Звуки [š] и [ž] встречаются редко, только в словах иностранного происхождения; [ž] в произношении эстонцев часто заменяется звуком [š] или [s] [ср.: Валмет-Ууспылд-Туру 1981, 18–19, 21]. Из этого следует, что для эстонского языка характерны в основном смычные согласные, аффрикаты же практически отсутствуют.

Достаточно беглого взгляда на эти явления эстонского языка, чтобы начать понимать те фонетические отклонения от других диалектов русского языка, которые наблюдаются в древнейших письменных памятниках, происходящих из Новгородских и Псковских земель, а также в определенных современных псковских говорах. Они также ставят под сомнение и архаичность отсутствия второй палатализации в указанных говорах. Однако для окончательных выводов требуются серьезные научные обоснования.

Как было отмечено выше, переход *к > ц* в русском языке отмечается С.М. Глускиной в пяти корнях: *цевка*, *цедить*, *целый*, *цена* и *цеп*, из которых три корня (*кеж*, *кевка* и *кен*) она находит в современных северо-западных говорах русского языка без указанного перехода. Однако обращает на себя внимание спорadicность фиксации последнего слова.

¹¹ Именно он в связи с этим обратил мое внимание на одну мистификацию языковых фактов: сравнение др.-гр. κοινά χορτος с лит. *šiėnas*, латш. *siens*, ст.-сл. сѣно, которое представлено в различных авторитетных научных трудах [ср.: Фасмер-III, 601; Fraenkel 1965, 980 и мн. др.], неправомерно, поскольку данное слово зафиксировано только в одном позднем византийском лексиконе Гесехия, где κοινά обозначает 'общее', а χορτος 'пастбище, луг'. Это дает основание признать указанное слово исключительно балто-славянской лексической изоглоссой.

Эту и другие проблемы решает В. Чекмонас в статье *О названиях цепы в говорах псковского района (к проблеме 'kenpa')* [1997]. Он убедительно показывает, что сама обсуждаемая реалья является этнографической инновацией, так как способ и возможность молотить цепами появились здесь сравнительно поздно. Из этого следует, что слово *kep* из этого ограниченного списка, по-видимому, нужно исключить. В. Чекмонас обращает внимание на особенности чередования согласных, среди которых выделяются *c-ш-x*, *з-ж-г*, *ц/ч-ч-к*, причем часто данные чередования морфологически не обусловлены: на вопрос о цепе в ответе зафиксирован *cep*, вместо *сич'ас* — *сит'ас* и т.п. [Чекмонас 1997]. Он также обращает внимание на такие примеры, как *т'апок*, *т'с'апок*, *ч'апок* (в дополнение к примерам С.М. Глушкиной — *кепок*, *цепок*), *т'авина*, *ч'авина* (в дополнение к известным словам из старожильческих говоров Латвии — *к'авина*, *цевина*) и мн. др.

Приведенные им факты дают серьезные основания ставить вопрос о финно-угорском или, точнее, прибалтийско-финском субстрате в отмеченных псковских говорах. Проблемы данного субстрата на основе привлечения более широких данных и существенного расширения ареала его действия рассматриваются в другой, более обширной работе В. Чекмонаса под названием *On some circum-Baltic features of the Pskov-Novgorod (North West Middle Russian) dialect*. В ней, кроме прочего, делается вывод о том, что изучение истории псковско-новгородских говоров, исторические и археологические данные позволяют делать реалистические гипотезы по поводу происхождения и развития этих говоров. Отмечается также, что "the main peculiarities of the assimilated substratum languages are known as well, and moreover, the process of assimilation of the Baltic-Finnish population is observed nowadays what makes possible (in principle) to verify many of the linguistic reconstructions" [Чекмонас—в печати].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отсутствие рефлексов второй славянской палатализации, которое засвидетельствовано в различных новгородских берестяных грамотах и некоторых современных псковских говорах, не является особым архаизмом, относящимся к праславянской эпохе. Такое явление зафиксировано только в указанных говорах русского языка, в то время как во всех славянских языках и диалектах в той или иной мере рефлексы второй славянской палатализации сохраняются.

Псковские говоры, с одной стороны, не были и не являются изолированными от других говоров русского языка, чтобы сохранять особые архаические черты, как, например, островные говоры ли-

товского языка, где обнаруживаются даже отдельные индоевропейские архаизмы. С другой стороны, псковские говоры никогда не были изолированы и от иноязычного влияния. Напротив, некоторые их существенные фонетические черты схожи с явлениями, непосредственно наблюдаемыми в прибалтийско-финских языках южной группы. Это касается прежде всего замены аффрикат [ц] и [ч] взрывным [к] (как, напр., *кеп* вместо *цеп*, а также *рѣка* вместо *рѣча*, см. выше) и [ч] взрывным [т] (*сит'ас* вместо *сич'ас*). Здесь также можно обратить внимание на то, что аналогичное контактирование определенных говоров латышского и ливского языков на территориях, которые в настоящее время находятся на северо-востоке и северо-западе Латвии, привело к возникновению особых ливских говоров латышского языка с явным финно-угорским субстратом.

Таким образом, можно утверждать, что формы с отсутствием второй палатализации в рассмотренных говорах возникли не в результате внутреннего развития их фонетической системы, а как результат субстратного влияния южных прибалтийско-финских диалектов. Сущность этого влияния заключается в том, что отсутствующие в говорах аффрикаты естественно заменяются взрывными согласными.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн, С.Б. 1961: *Очерки сравнительной грамматики славянских языков*, Москва.
- Валмет, А., Ууспылд, Э., Туру, Э. 1981: *Учебник эстонского языка*, Таллин.
- Глускина, С.М. 1968: О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров русского языка), in *Псковские говоры*, т. II, Псков, 20–42.
- ДАРЯ: *Диалектологический Атлас Русского Языка. Центр Европейской части СССР*, вып. 2: *Морфология. Карты; Комментарии к картам*, Москва, 1989.
- ДРГ 1995: *Древнерусская грамматика XII–XIII вв.*, Москва.
- Зализняк, А.А. 1995: *Древненовгородский диалект*, Москва.
- Зализняк, А.А. 1991: Берестяные грамоты перед лицом традиционных постулатов, *Russian Linguistics*, 15(3), 217–245.
- Иванов, В.В. 1990: *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- Иванов, Вяч.Вс. 1985: Отражение индоевропейского *casus indefinitus* в древненовгородском диалекте, *Russian Linguistics*, 9(2–3), 327–334.
- Крысько, В.Б. 1994: Заметки о древненовгородском диалекте, *Вопросы языкознания*, № 5, 28–45.

- ЛЭС: *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, 1990.
- Николаев, С.Л. 1988: Следы особенностей восточнославянских письменных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи, *Балто-славянские исследования*: 1986, Москва, 115–154.
- Николаев, С.Л. 1990: К истории племенного диалекта кривичей, *Советское славяноведение*, № 4, 54–63.
- Орлова, В.Г. 1948: Цоканье в русских говорах, *Ученые записки МГУ*, вып. 128: *Труды кафедры русского языка*, кн. 1, 91–103.
- Орлова, В.Г. 1955: *История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров*: Автореферат диссертации... доктора филологических наук, Москва.
- Петерсон, М.Н. 1946: Ф.Ф. Фортунатов и Московская лингвистическая школа, *Ученые записки МГУ*, вып. 107, т. 3, кн. 2, 25–35.
- Соболевский, А.И. 1907: *Лекции по истории русского языка*, Москва.
- Устинов, И.В. 1959: *Очерки по русскому языку*, ч. 1, Москва.
- Фасмер, М. III–IV: *Этимологический словарь русского языка*, т. 3–4, Москва, 1987.
- Хабургаев, Г.А. 1986: *Старославянский язык*, Москва.
- Чекмонас, В.Н. 1995: О названиях *цена* в говорах псковского района (к проблеме 'кепа'), *Slavistica Vilnensis* (= *Kalbotyra*, 45(2)), 82–96.
- Черных, П.Я. 1954: *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- Шахматов, А.А. 1957: *Историческая морфология русского языка*, Москва.
- Янин, В.Л., Зализняк, А.А. 1993: *Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989)*, Москва.
- Bjørnflaten, J.I. 1983: On the History of the Common East Slavic Morphological Alternation /K→C/ in the Nominal Flexion of the Three East Slavic Languages, in *The Ninth International Congress of Slavists*: Kiev 1983, Tromsø, 7–21.
- Bjørnflaten, J.I. 1988: *Dialectal Sound Changes in Russian: Innovations vs. Archaisms. The Case of the Second Regressive Palatalisation of Velars in North East Slavic*, Oslo.
- Čekmonas, V.: On some circum-Baltic features of the Pskov-Novgorod (North West Middle Russian) dialect (в печати).
- Fraenkel, E. 1965: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. 2, Heidelberg-Göttingen.
- Głuskińska, Z. 1966: O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich, *Slavia Orientalis*, XV(4), 475–482.
- Karulis, K. 1992: *Latviešu Etimoloģijas Vārdnīca*, I, Rīga.
- Panzer, B. 1991: Die slavischen Sprachen in Gegenwart und Geschichte. Heidelberg Publikationen zur Slavistik, *Linguistische Reihe*, Bd. 3, Frankfurt/Main–Bern–New York–Paris.
- Ramovš, F. 1935: *Historična gramatika slovenskega jezika*, VII: Dialekti, v Ljubljani.
- Senn, A. 1954: Die Beziehungen des Baltischen zum Slavischen und Germanischen, *KZ*, Bd. 71(34), 162–188.
- Shevelov, G.Y. 1964: *A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic*, Heidelberg.